РУСАКЪ.

«У Нѣмца на все струментъ есть», говоритъ пословица, которая неоспоримо доказываетъ, что Русскій любитъ браться за дѣло, какъ–можно проще, безъ затѣйливыхъ снарядовъ.

.....Кто не знаетъ Телушкина, — смѣтливости и смѣлости его, удивившей въ свое время весь бѣлый свѣтъ? Тонкій и высокій адмиралтейскій шпиль въ Петербургѣ, — который еще недавно въ глазахъ нашихъ для починки обставленъ былъ цѣлымъ лѣсомъ лѣсовъ, — потребовалъ и въ то время какой–то менѣе значительной починки; но само собою разумѣется, что на вершину шпиля, на эту иглу, одѣтую сверху до низу вызолоченнымъ листовымъ желѣзомъ, нельзя иначе попасть, какъ обгородивъ ее цѣлымъ городомъ лѣсовъ, отъ земли до самаго кораблика: издержки огромныя въ работѣ и въ припасахъ. Простой работникъ, кровельщикъ, былъ при разсужденіи объ

этомъ, слышалъ о торгахъ, о совѣщаніяхъ подрядчиковъ, пошелъ осмотрѣть еще разъ на–глазомѣръ шпиль и узнать, высоко ли можно будетъ подняться внутри его въ пространствѣ трехъ мачтовыхъ деревъ, составляющихъ иглу, и, сообразивъ всё это, явился самъ на торги и предложилъ сдѣлать требуемую поправку не за десятки тысячъ рублей, а за нѣсколько сотъ, сколько пожалуютъ изъ милости. Подумавъ — согласились; но никто не вѣрилъ успѣху. Кровельщикъ отправился въ шпиль, поднялся по желѣзнымъ скрѣпамъ между тремя мачтовыми деревьями до самаго нельзя, тамъ сдѣлалъ осторожно окошечко, вынулъ желѣзный листъ: высунулъ голову и посмотрѣлъ на Питеръ. Насмотрѣвшись, онъ примостился, сталъ твердою ногою снаружи шпиля, закинулъ веревку, размахавъ её вокругъ шпиля, поймалъ другой конецъ, пронялъ въ него веревку удавкой, или петлей, затянулъ её и, подымая шестомъ постепенно всё выше и выше, продолжалъ затягивать, не давая ей опускаться внизъ. Кончивъ пріёмъ этотъ,

онъ опоясался концомъ этой веревки, соскочилъ во славу Господню на вольный свѣтъ, будто хотѣлъ полетѣть, и, цѣпляясь босыми ногами за почти отвѣсный шпиль, пошелъ улиткой вокругъ него, подымая шестомъ обороты веревки, какъ можно выше, и ложась вѣсомъ всего тѣла прочь отъ шпиля на воздухъ, чтобъ натягивать веревку. Такимъ образомъ, онъ, обвивая веревку вокругъ шпиля и укорачивая её этимъ, подымался всё выше и выше; тамъ примостился снова, какъ ласточка, съ гнѣздомъ своимъ, снаружи шпиля, опять закинулъ оттуда веревку петлей и кончилъ тѣмъ, что добрался до верхушки — до желѣзнаго стержня, на которомъ стоитъ знаменитый корабликъ. Привязавъ къ этому мѣсту стремянку (веревочную лѣстницу), мой кровельщикъ сѣлъ отдыхать, и смотрѣлъ на подножный Петербургъ глазомъ побѣдителя. Весело было ему теперь оглянуться! Въ нѣсколько дней починка была окончена, лѣсенка снята, окно зачинено, и всѣ незатѣйливые снаряды убраны.

....Десятокъ нашихъ мужиковъ или извощиковъ, возившихъ товаръ на Лейпцигскую ярмарку, удивили Нѣмцевъ въ какомъ–то городкѣ, взявши окрасить высокій, многоярусный домъ, съ такими малыми затѣями и издержками, что весь городъ сходился дивиться и любоваться этимъ необычайнымъ дѣломъ. Цеховые Нѣмецкіе баумейстеры*), сошедшись на торги къ хозяину дома, просили большую цѣну, сообразную съ ихъ способомъ обѣлки и окраски: а они для этого ставятъ лѣса и дѣлаютъ помосты вокругъ всего зданія до самаго верху, какъ у насъ при постройкѣ домовъ. Мужички мои, которые съ–молоду бывали, кто сапожникомъ, кто мостовщикомъ, долго стояли у воротъ заѣзжаго дома, насупротивъ котораго всё это дѣлалось, и когда хозяинъ не сошелся съ мастерами въ цѣнѣ, то наши и стали поговаривать, что дѣло это можно бы сдѣлать вдвое дешевле противъ Нѣмцевъ.

---

*) Строительные мастера.

Слово–за–словомъ, ихъ вызвали принять на себя работу, а они, посовѣтовавшись между собою, ударили по рукамъ. Приставивъ съ одной стороны обычный *костыль* нашъ, котораго за–границей и не знаютъ, подвѣсивъ съ другой *койку*, которая спускается и подымается на веревкѣ, на которой внизу стоитъ одинъ работникъ, ради безопасности висѣльника, — да выставивъ изъ оконъ верхнихъ ярусовъ тутъ и тамъ по *плахѣ*, на которую одинъ садится верхомъ внутри окна, а другой снаружи, — мои мастеровые окрасили домъ, къ большому изумленію и даже соблазну туземцевъ, а особенно каменьщиковъ или бѣлильщиковъ.

....Огромный колоколъ, въ саженныхъ размѣрахъ, былъ отлитъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга, куда его слѣдовало доставить. Не столько огромный объёмъ, сколько вѣсъ его чрезвычайно затруднялъ дѣло: никакой лѣтній ходъ, то–есть, оси и колёса, не могли выдержать такой тяжести,

а на зимнемъ ходу, на полозьяхъ, ее нельзя стащить съ мѣста, потому что она «прилипаетъ», какъ крестьяне выражаются, то–есть, отъ непомѣрнаго давленія своего, не только врѣзывается въ снѣгъ до земли, но и останавливается намертво на каждомъ сучкѣ или камешкѣ, который попадается на дорогѣ, и забивается въ самое дерево полоза. Нашелся однако же крестьянинъ, который принялъ на себя съ торговъ доставку за весьма умѣренную плату, и всѣ отступились, полагая, что онъ поплатится залогомъ. Но онъ ухитрился очень просто, и сдѣлалъ свое дѣло, какъ нельзя лучше: онъ положилъ колоколъ бокомъ, приподнялъ и подперъ уши такъ, чтобы ось колокола лежала по уровню; за тѣмъ онъ придѣлалъ со стороны ушей, большой деревянный кругъ, того же размѣра, какъ и самое жерло колокола, которое также накрылъ такимъ кругомъ; обшивъ всю поверхность между днами, или кругами этими толстыми досками, и вставивъ въ средину того и другого дна по желѣзному стержню, вмѣсто оси, онъ сдѣлалъ изъ

колокола огромный *катокъ*, который не слишкомъ тяжело было катить по дорогѣ, заложивъ нѣсколько десятковъ лошадей за каждый конецъ оси. Ломки не было никакой, и колоколъ прибылъ благополучно къ сроку на мѣсто своего назначенія.

...При расчисткѣ дороги наткнулись на большой дикій камень, гранитъ, составлявшій гребень подземной скалы, и не знали, какъ его сбыть съ рукъ: вести для него дорогу обходомъ не хотѣлось, и потому взялись его разбивать въ–ручную молотами. Проработали цѣлый день, щебню набили цѣлую кучу, а между тѣмъ камня почти не убываетъ. Прикинули глазомъ да и испугались: приходилось заняться однимъ этимъ камнемъ болѣе мѣсяца. Одинъ изъ работниковъ взялся убрать его въ двои либо трои сутки: онъ натаскалъ на него цѣлый костеръ хворосту, зажегъ его и, раскаливъ камень, велѣлъ поспѣшно полить его водой изъ ближайшей канавы; камень весь растрескался, началъ осыпаться подъ

молотомъ, какъ рухлякъ, и когда, такимъ образомъ, легко сняли верхній пластъ, то повторили тоже въ другой разъ, и камня не стало, — дорогу сравняли.

Еще лучше и проще этого сдѣлалъ загадливый мужичокъ, который за сто рублей убралъ камень, за уборку котораго просили тысячу. Большое мѣсто равняли, проходили на–проглядъ, какъ говорятъ наши рабочіе, и камень въ добрую сажень лежалъ тамъ, гдѣ ему быть не слѣдовало. Рѣшили свезти его подъ гору и свалить на берегъ рѣки; но это обходилось не дешево, и на торгахъ никто не бралъ менѣе тысячи рублей. Выходитъ простой работникъ, наслушавшійся всѣхъ толковъ объ этомъ камнѣ, и говоритъ: — залоговъ у меня нѣтъ, господа, и нѣтъ денегъ на гербовый листъ, на просьбу и на контрактъ; а коли повѣрите не слову, а дѣлу, то завтра камня не будетъ на этомъ мѣстѣ; а вы мнѣ за это что пожалуете, то и возьму.

Согласились, мужикъ пошелъ, выкопалъ подъ камнемъ яму, подкопалъ и свалилъ его туда, и засыпалъ землей. Всѣ до того изумились, что не знали: посмѣяться шуткѣ этой и подтрунить надъ самими собой, или ужь лучше притвориться, будто ничего не видали…

….Смышленостью и находчивостью неоспоримо можетъ похвалиться народъ нашъ: но надобно сознаться, что, кромѣ нѣсколькихъ простыхъ и превосходныхъ древнихъ изобрѣтенiй, съ которыми уже свыкся Русскiй крестьянинъ, онъ не только мало склоненъ къ новымъ, самобытнымъ изобрѣтенiямъ, но вообще, даже не любитъ, собственно для себя, улучшенiй и нововведенiй подражательныхъ; и это собственно относится до домашняго его быта и сельскаго хозяйства. За то онъ крайне понятливъ и переимчивъ, если дѣло пойдетъ по промышленной и ремесленной части.